

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. ВИНОГРАДОВА**

**ТЕКСТ. ИНТЕРТЕКСТ.
КУЛЬТУРА**

*Сборник докладов
международной научной конференции
(Москва, 4-7 апреля 2001 года)*

**МОСКВА
«АЗБУКОВНИК»
2001**

А. Г. Грек (Украина, Луганск)

Об архаичной поэтике текста «Послания Иоанна Пресвитера Владарю царю тайного» из «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова

«Послание Иоанна Пресвитера Владарю царю тайное» составляет пятую книгу «Повести о Светомире царевиче» — последнюю из написанных самим Вяч. Ивановым¹. Автор «Послания» именует себя «смирненным пресвитером² Иоанном», но он же и «милостию Божию единый от народоправителей христианских», которому «послушествуют... христорлюбивых царей двенадцать» [Иванов 1971].

Первая часть послания содержит подробное повествование о фантастической Белой Индии времен апостола Фомы и Иоанна Богослова. Вторая часть представляет собой текст с чертами исповедально-житийных жанров о духовном пути ныне царствующего Пресвитера Иоанна, а также включает знаменательное сказание «о начале и кончине царства сего». В заключительной, XVI-й главе «Послания» называется повод и причина, которые

¹ Следующие четыре книги «Повести о Светомире царевиче», по духовному завещанию автора, были написаны О. А. Дешарт. Текст всей «Повести о Светомире царевиче», включая не осуществленный самим автором замысел, Вяч. Иванов, как свидетельствует его сын Д. В. Иванов, «считал одним из главных произведений своей жизни — или даже главным» [Обер, Гфеллер 1999: 114].

² Двойная орфография имени: «Пресвитер» и «пресвитер» демонстрирует одну из существенных особенностей мифопоэтических текстов, которая состоит «в возможности изменения границ между именем собственным и нарицательным вплоть до перехода одного в другое» [Топоров 1995: 208].

послужили отправке послов с посланием в царство Владаря, в «землю полнощную»³:

«...да заповедаю ти, — пишет автор послания, — сына твоего (Светомира — А. Г.) в царство Иоанново отпустить, идеже и воцелен, и возвращен, и воспитан, и укреплен будет на дело великое.

4 Извести хотят в дому твоём царевича слабоумного, того, кто умудрен снов памятию предмирною, но спасетися царство еже строитель обличье дает упованию земли. Под Иоанновым прикровением сын твой миру сохранен будет» (XVI, 3, 4)⁴.

Вся «Повесть о Светомире царевиче», но ее пятая книга в особенности, отличаются архаичностью в высшей степени, потому что она воспроизводит архаичную схему изображения пространства. Некоторые черты этой архаичности, взятые в аспекте «пространственной» поэтики, как ее понимает В. Н. Топоров, будут рассмотрены ниже. Сфера «пространственной» поэтики включает «как сам текст, так и “правила” его чтения сквозь призму пространственности» [Топоров 1983: 282].

К архаичным элементам, своего рода маркерам архаичности в тексте послания, относятся единицы, которые служат изображению мифопоэтического и сакрального пространства земли Белая Индия, и церковнославянский слой языка как основа языковой ткани текста послания. В аспекте «пространственной» поэтики этот слой выступает наиболее существенной характеристикой «признакового пространства (Merkmalsraum) текста» [Топоров 1983: 280]. Таким образом, в состав архаичных элементов текста послания в данной работе включены элементы образа пространства и элементы текстового пространства⁵.

В качестве мифологического и сакрального пространство земли Белая Индия характеризуется горизонтальным и вертикальным измерениями, динамизмом, присутствием особо сакральных точек и организующего, ориентирующего сакрального центра.

³ За этим обозначением стоит мифопоэтический образ России. Само же имя *Россия* ни в послании, ни в повести ни разу не употребляется.

⁴ Здесь и далее указываются главы и строфы послания.

⁵ О необходимости различения описываемого данным текстом пространства и самого текстового пространства пишет в цитируемой работе В. Н. Топоров.

К наиболее общим наименованиям этого пространства в тексте послания относятся: *царство, держава, земля, простор, обитель*. Каждое из них включает в себе по одному или несколько признаков свойств пространства в аспекте государственно-правовом, социальном, бытийном и онтологическом.

В самом начале «Послания» о возникновении пространства земли Белая Индия говорится так:

«13 *Отсельници* есмы Новая Трои, еже Византии имя тайное есть по сказанию древлему.

14 *Отрасль* хвалимся быть царственного Константина града, далече процветшая прежде распри с Римом первым» (I)⁶.

Ключевыми в указанном отношении — возникновения, рождения пространства — здесь являются вынесенные в начало строф отглагольные имена *Отсельници* и *Отрасль*, в составе которых выступает префикс *от-* со значением 'удаления на некоторое расстояние, отделения' (см. [Русская грамматика 1980, I: § 869]), а также исполненные глубокого мифопоэтического и историософского смысла имена собственные: *Троя, Византия, Константин град, Рим*.

О «кончине» царства Иоаннова, ныне ущедренного и сильного, говорится иносказательно в IV-й главе, когда автор послания неожиданно прерывает повествование о земле Белая Индия воспоминанием о «великом оном острове, волною морскою покрытом древле»⁷. Еще дважды об этом сказано в XI-й главе, которая начинается со «сказания знаменательного» старца мниха будущему владыке земли Белая Индия «о начале и кончине царства сего». Ближе к концу этой главы устами Божией Матери, утешающей апостола Иоанна — небесного покровителя и истинного царя царства сего, — автор послания, он же Иоанн Пресвитер, говорит так: «сия же земля отойдет в покой Господа» (14).

⁶ Разрядка в примерах из текста здесь и далее наша. — А. Г.

⁷ Далее в тексте идет ссылка на свидетельство Платоново. Ср. также стихотворение «Атлантида» Вяч. Иванова из ц. «Эпические сказы и песни» (сб. «Сог Арденс»): Лежит под Океаном / Нетленная страна. / А древле, за туманом, / Над темным Океаном, / Незримая, она, / Как остров сокровенный / Колдуньи Калипсо, / Цвела в красе надменной... [Иванов 1974: 470].

Теократический и сакральный характер устройства Иоаннова царства обнаруживает себя в строгой структурированности его, при господстве иерархического принципа в соотношении частей, а также в числовой символике.

«7 Послушествуют мне христолюбивых царей двенадцать и *трие* от них при мне живут в митрополии державы нашея, споспешествующе ми ответом и смотрением, прочие же над *тремя* другими частями царства поставлены, по *три* царя в каждой части» (I).

Центральная часть царства Иоаннова именуется «срединною землею». Ее наиглавнейший признак — *ущедренность* с в ы ш е — отсылает к целому корпусу богослужебных текстов, включая псалмы, молитвы, каноны, акафисты и др. См. соответствующий ряд примеров: «да будет *ущедрай* сироты его», «Ты воскрес *ущедриши* Сиона, яко время *ущедрити* его <...> и персть его *ущедрят*», «спаси, *ущедри*, о Иисусе Благодетелю», «Иисусе, Творче мой, *ущедри* мя», «поюща мя *ущедри*». Ближайший контекст раскрывает содержание признака *ущедренности* способом негации, т. е. отрицания того, что противоположно ему: «не лютуют в ней (срединной земле — А. Г.) звери дивии, не жалят гады ядовитые, ни лихо зелие не растет» (VI, 1).

К сакральным точкам этой *ущедренной* и благословенной земли относятся: *обители с православными чудотворными иконами и целебными источниками, подземные и днесветлые церкви, Данилов Скит, Лавра Белая, Кремлевый храм Пресвятой Богородицы и апостола Ивана Богослова, а также храмины и обители, «со ученики и любопослушники», остров с наставниками богомудрия, священномонахами и их учениками, башня на скале, что «как маяк сияет верным издалека», встроены в храм на скале семь церквей* и др.

Локальное распространение значимостей сакрального пространства, как пишет об этом В. Н. Топоров [1983: 256], подчинено принципу «постепенного нарастания сакральной отмеченности объекта по мере движения от периферии к той точке пространства, которая считается его центром». Именно так строится описание пространства срединной земли в VII, VIII и IX-й главах послания. В гл. VII-й, например, сначала называются: *богатые странноприимницы по градам, общежития земстии по селам, содружества семейств, возделывающих землю, общи Христовы братии, святые обители с чудотворными иконами, а затем: церкви подземные и днесветлые, Данилов скит, Лавра Белая — и*

уже в самом конце говорится о «*соборной же всея земле срединной церкви*».

Центром этого пространства, разворачивающегося в направлении постепенного нарастания сакральной отмеченности объектов, является упоминаемый в самом конце VII-й главы кремлевый храм Пресвятой Богородицы и апостола Ивана⁸ Богослова, именуемый Лествичный. Не случайно его описание составляет содержание всей VIII-й главы.

Сакральность кремлевого храма, что отмечается в самом начале повествования о нем, вернее, его описания, связана с признаковыми свойствами, характеристикой места его расположения, с участием человека в его возведении, с плотной заполненностью его сакральными объектами, в которых прямо или косвенно ощущается присутствие человека. Так, основанием храму служит «*скала веляя, единокаменна <...> в долготу протяженна, верху плоска, из средоградия восходящим благоприступна, отпредь с езера приближающимся прямостоящи стремна*» (VIII, 1). Об участии человека в освоении этого природного места сказано: «*Жесток бе камень; обаче предков труд, к тому приложився, стропотная исправи, и ушербленная содела равна, и бысть скалы повершие острогато во простор гладок от края до края стремнинного*» (VIII, 3). В число заполняющих это пространство, именуемое еще Акрополь, или Вышеград, подпространств и объектов входят: *двор скользок над упадьми стенными, лествицы, что ведут от стогн градских двема восходами широкие, с обою полу двора два зрични из меди лита всадника всеоружна, именуема Два Свидетеля, ризницы медновратные, церквица, звонница со звонами серебряными и колоколами тяжело-медными, Духова церковь медновратная, трапезная палата, где в праздники великие вечера любви правятся*.

Центральное положение храма, возведенного на скале, сохраняется и при описании сакрального подпространства из IX-й главы. См. ее начало: «*Перед скалою и храмом столпным синее озеро плещется, парусами пестримо...*»⁹ и конец, где речь идет о

⁸ Снижение звучания имени **Иоанн** в **Иван** отражает народную традицию его употребления.

⁹ Здесь речь идет уже о другом храме, что ясным становится лишь из заключительной строфы, — но это сближение двух храмов как центров сакральных подпространств одного общего пространства, где не умалена сакральность ни одного объекта, знаменательно.

храме, «на скале выпры возведенном», и встроенных в него «семи церквях: трех подземных и четырех надземных» (IX, 18).

К особенностям этого пространства относится постоянное присутствие в его сакрально отмеченных точках человека, а также чередование объектов с разной степенью сакральности, вплоть до «минус-сакральности». Сакральным это пространство в значительной степени делает человек, близкий к Богу или не утративший жажды встречи с Ним.

Приводимый ниже список сакральных объектов, отражающий последовательность их обозначения в тексте, демонстрирует и первую, и вторую особенность:

Храмыны и обиталища изящне с ученикы и любопослушники, дома студийские и — риторы, любомудры, естествослови, звездозорцы, умодельники, техниты, зографы, зодчии, мусикии, юные борцы, конники; остров с наставниками богомудрия, священномонахами, учениками, послушниками и — неверных общежитие, где обитают язычники и еретики, «алкание Бога истинного не до конца угасившие», а также Сакимуния и Конфуция последователи, Корана начетчики, монданы, манихеи, гностики, офиты, еретики и «иные духовными омраченны бельмами»; стены, двор, дворец Иоаннов, башня на скале, что «как маяк сияет верным издалека», храм с семью церквами, в том числе преисподней Воскресенской и верховой Успенской и — сады, ворота, называемые «Игрищные», так как через них проходят борцы юные, бегуны, дискометатели, стрельцы, плясуны.

Другие особенности изображаемых в VII, VIII и IX-й главах сакральных подпространств связаны с направлением субъектов движения по отношению к объекту как цели движения, воспринимаемому в аспекте духовном.

Так, в подпространстве, изображаемом в VII-й главе, целью движения являются святые места, притом возрастающие в своей сакральной значимости, а субъектами движения — паломники, находящиеся в пути.

Кремлевое храмовое пространство (VIII-я гл.) изображается как замкнутое сакральное пространство, в пределах которого все объекты обладают сакральной значимостью, но порядок их расположения ориентирован на наиболее сакральную точку, центр. Движение, таким образом, заключается здесь в характере развертывания пространства.

Образ пространства в IX-й главе характеризуется активностью человека в мире. Здесь с в я т о с т ь святых и близких к Богу как

бы изливается на мир, а человеческий мир предстает как сообщество деятельных, творчески богатых, ищущих людей. Значимой в этом мире является и физическая активность человека, реализуемая в ремеслах, художествах, играх и состязаниях.

Характер развертывания пространства, в котором реализуется динамический его аспект, может быть показан на примере VIII-й главы. См.: скала > кремль > двор > два «зрични» всадника > ризницы > звонница > церковь медновратная > трапезная палата.

Особую роль в способах и характере развертывания этого пространства в тексте играют предлоги с пространственной семантикой¹⁰, системные связи между ними, последовательность употребления их в тексте — см.: *промежду (обема), из (средоградия), отпредь с (езера), от (края) до (края), над (упадьми), под (ним), за (единым), за (друзим)*. На их фоне роль конструкций гипотаксиса с элементом «где» — весьма заметных в плане пространственной поэтики текста — кажется куда менее значительной¹¹.

Вертикальный аспект образа пространства в тексте послания выражен специальными лексемами с корнесловными элементами *выс-/выш-, верх-/верш-* (см.: *превыше столпостен, верху же высится, выспрь*); словами со значением 'высота', 'движение вверх' — см. *вознесена, скала, лествица, звонница, кремль, маяк, Воскресенская*, др.; образными и семантическими оппозициями: *скала, храм — озеро; озеро, морю подобно — остров; вертоград — озеро, ученик — силы ангельские, ученик — наставник, ученики богомудрия — язычники и еретики, церкви подземные — надземные, преисподняя церковь — верховая, Воскресенская — Успенская*.

Одна из составляющих сакрального пространства срединной земли — его огражденность.

Наиболее ярко признак огражденности раскрывается во II-й и XI-й главах послания. Вот начало II-й главы с первым текстовым

¹⁰ О системе предлогов, осуществляющих ориентацию на середину, центр в ритуале воспроизведения творения, пишет В. Н. Топоров [1983: 258].

¹¹ Ср.: *Где пространнее ширится озеро...; где обитают и язычники; где тако заблуждающиеся совместно живут; ...где состязаются в силе...* (IX, 5, 12, 14, 15).

употреблением специальной лексемы *заграда*, выражающей этот признак:

«Лежит земля наша, именуемая Белая Индия, промежду языки идолопотребники и заградою первозданною гор ледовитых и пустынь, аки пещь раскаленных, яже нас и от Булата щитит Бахметова, и от раздора христианска уединяет».

В значении слова *заграда* контекст актуализирует смыслы 'природной огражденности', 'пространственной недоступности', 'силы, обращенной на субъектов опасности' — чужих (*от Булата Бахметова*) и своих (*от раздора христианска*).

Выразительные глагольные предикаты *щитит* и *уединяет* эти смыслы закрепляют, добавляя к ним новые, относящиеся к 'способу ограждения-защиты'.

Само слово *заграда* — это лишь один из элементов словообразовательного гнезда, фрагмент которого может быть реконструирован из текста послания. См.: *за-гражд-ения* (*не имамы*) (II, 2); *За-гражд-ен* (*быше по свидетельству Платонову*) (IV, 3), *о-гражд-ает* (*ю, яко же ров непролазный*) (IV, 4); *о-град-и* (*нами в новозданной стране сей*) (XI, 8).

Значение огражденности, предполагающей активность человека, выражено в тексте лексемами *застава*, *стражбища*, *острожцы*, «Железные Врата». Ср.: «Мы же супротив по предгорью *стражбища* и *острожцы сооружихом...*» (III, 4).

Огражденность земли в смысле активного отпора, воинствующей силы включает отпор Чингисхану, полчищам местных владык, «исчадию неприязненному», «душегубителям». В этом отпоре участвуют пеший строй и конники. К нему привлекаются и «варвары свирепые», «зверие же из зверинцев... тигрия и панфири». В походах воинственных участвует и сам Иоанн, «боище сюду и овуду озирая и лук напрягая».

Об участии народа говорится так:

«Ловят *народ* душегубителей и заводит в дебри и пропасти земли, белу волку (молвят людие), лжам судии, во снесь, и единорогом белым, целомудрия стражем, на прободение, и грифом белым, огня ревнителем, на поклевание» (II, 9).

С этой огражденностью царства в его земном, бытийном устройении соотносится огражденность его в духовно-мистическом, онтологическом плане. В знаменательном сказании, о котором уже упоминалось, рождение царства в качестве одного из на-

чальных моментов его включает огражденность. Так, под покровительством Божией Матери ее юный сын Георгий начал

«стрелы метати на восток солнца и запад, и полдень, и полночь далече.

7 И где те стрелы легли, *оплоты незримые воздвигаются*, их же некая сила изрыти не возможет, и положены быша *пределы царства, не преступные* внешним на долгие веки» (XII, 6, 7).

По слову Матери Божией ограждает Георгий в «новозданной стране» и «область внутреннюю», она же — земля срединная. Образы *копья пламенеющего*, которым проводит по земле Георгий, *бразды глубокой*, наполняющейся «быстротекущим потоком эфира чистого из сокровенных недр Эдема первого»¹² (10), символизируют духовную силу и вертикальный аспект этой огражденности.

Язык пространства в «Послании Иоанна Пресвитера» не исчерпывается рассмотренными здесь элементами и заключенными в них смыслами. Однако их достаточно, чтобы убедиться в наличии связи между стоящим за ними образом пространства, с одной стороны, и религиозным и мифопоэтическим сознанием — с другой. Архетипичные черты пространства Белой Индии и ее срединной земли реализуются в семантическом языке пространства, что и делает этот язык в аспекте «пространственной» поэтики архаичным.

Иной аспект архаичности — более очевидный для читателя, поскольку он непосредственно связан с архаичной традицией в истории языка, — представлен церковнославянским слоем в тексте. Церковнославянский язык в составе и «Повести», и «Послания» выступает органичным компонентом изображаемого здесь мира. К особенностям этого языка эпохи общеславянского единства в рассматриваемом произведении Вяч. Иванова относится заключенная в нем творчески-жиздительная сила, ибо он не просто воспроизводится здесь в своих сложившихся формах, но пре-

¹² Этот контекст и далее идущий «образ Фисона реки, под браздой текущей» соотносится с фрагментом повествования о срединной земле в ее бытийном плане, земном устройении, в котором упоминается «ров непролазный», «коловатный поток», называемый Фисон — «бе же Фисон река, из сада Едемска текуща в страну, златом и бдолахом и ониксом изобильну». См. VI, 4, 5, 6.

образуется творческой волей автора¹³. Сказанное С. С. Аверинцевым о языке Вяч. Иванова, воплощающем «предельно обобщенную идею о “вечном” русском языке от Илариона и Епифания Премудрого до словаря Даля» [1975: 159], как нельзя лучше объясняют стилистику «сгущенной» архаичности текста «Послания». На фоне «общеславянского церковно-литературного языка», об эволюции которого на восточнославянской почве со своеобразными народными наслоениями и вариантами много писал В. В. Виноградов (см. [1967] и др.) церковнославянская книжная речь в сочетании со специфическими русизмами в «Послании Иоанна Пресвитера» производит впечатление исторически достоверной и вместе с тем как бы заново творимой, «прорастающей» причудливым цветком в поэтическую традицию русского языка XX века¹⁴.

Церковнославянский слой элементов в тексте послания включает языковые единицы («церковнославянизмы») различных уровней, ритмико-синтаксические формулы и синтаксические схемы, он реализуется в словопорядке, цитатно-текстовых элементах, имеющих жанровую отмеченность и др.

Наиболее показательными и яркими при восприятии текста обычным читателем являются лексические и грамматические церковнославянизмы. Многие из лексических церковнославянизмов, в том числе: *баять, ваие, вертоград, войник, выспрь, глаголемые, естествослови звездозорци, лепота, обоюду, острогато, покоище, рукописание, сквознятый, стезя, стремно, сретити* — в «Материалах для словаря древнерусского языка» Срезневского приводятся с указанием на письменный памятник. В число этих памятников, отражающих употребление лексем из приведенного ряда, входят: Остромирово евангелие, Шестоднев 1213, Псалтирь 1296 г., Патерик Синайский, Изборник 1036 г., Житие Паисия, Житие Андрея Юродивого, др. *Ваие*, например, Срезнев-

¹³ Ср.: «два зрични... всадника» (В. И.) — *зрчьньи* (Срезн.); «зверонравных племен» (В. И.) — *звѣродивый* и др. (Срезн.), а также «новщина», «средоградие», «столпостены», которые Срезневским не приводятся.

¹⁴ Важнейшей «предпосылкой» столь сгущенного употребления церковнославянизмов, вообще художественного творчества на почве церковнославянского языка, должна быть названа любовь Вяч. Иванова к нему. Наиболее открыто поэт говорит об этой любви — «филии» в ст. «Наш язык» [1987, IV].

ский дает со ссылкой на Патерик Син., *глаголема* — на Остромирово ев., а *естествослови* — на Изборник 1073 г. [Срезневский 1895, 1893, 1903].

Густота и характер употребления грамматических церковнославянизмов в области глагольных форм могут быть показаны на примере аориста и имперфекта. Обе формы широко используются автором во второй части послания (гл. X—XVI-я). См., например, формы аориста: *родихся, рех, забых, умилихся, убегах, сокрыхся, возгорехся, увидех, помыслих* (1-е л. ед. ч.); *ужасе, рече* (множ. крат. употр.), *прииде, виде, возлеже, найде, изчезе, возведе, отъиде, изыде, не преспе, простре* (2—3-е л. ед. ч.); *не поклонихомся, не впадохом, препоясахомся* (1-е л. мн. ч.)¹⁵. Имперфектные формы в этой части послания встречаются реже — см.: *провождях, послушествовах, тиях, возрыдах, возрадовахся, отвещах, догнах* (1-е л. ед. ч.); *учаше, мянешся* (2—3-е л. ед. ч.), др. Жанрово отмеченное распределение этих форм в тексте послания может быть предметом специального исследования.

Из других частеречных классов здесь выборочно приведем лишь ряд примеров.

Существительное: *священници, камене, церквице, со звоны и колоколы, с пределы, во внуцех, в дома своя*.

Прилагательное: *щита же крестовна, единокаменна, из мрамора бела и порфирна, камене ценна*.

Местоимение: *аз* (ми, мя и др.), ю.

Числительное: *двема, трие, двенадесать*.

Наречие: *днесь, лепо, идеже*.

В качестве яркого сигнала церковнославянской основы ткани текста на синтаксическом уровне выступает конструкция да + индикатив: *и благословен да будет престол твой Господа сил молю; но да не останешься о нас в неведении; и взаимодейственни да будут в богозданном согласии все уди Единого Тела* (I, 3, 9, 10); *да никому не откryши; да заповедаю ти сына твоего в царство Иоанново отпустити* (XVI, 1, 3). Они употреблены автором в жанрово отмеченных контекстах, обнаруживающих близость к апостольским посланиям, духовному завещанию, др.¹⁶

¹⁵ Здесь и далее список форм отражает порядок их употребления в тексте.

¹⁶ О преобладании конструкций этого типа в текстах, ориентированных на церковнославянскую традицию — в противоположность оригинальным памятникам древнерусской письменности, на высокую частотность

Не будучи принадлежностью собственно церковнославянского языка, «и-присоединительные» конструкции, на библейскую окраску которых указывал В. В. Виноградов, в общей церковнославянской основе текстовой ткани послания выступают одним из ярких ее элементов. В качестве примера можно указать на синтаксис XIV-й главы послания. Здесь из 12 строф целых 7 строф, т. е. чуть больше половины, начинается с «и-присоединительной» конструкции — см.: *И отъиде поезд царевин...* (2), *И простре мне та руку...* (6), *И помыслих в себе...* (8), *И внезапно узрех...* (9), *И преступихом праг...* (10), *И изведома мя братия...* (11), *И возвратихомся...* (12).

Анализ архаичных элементов «Послания Пресвитера Иоанна» в аспекте «пространственной» поэтики позволяет, таким образом, выявить архаичный слой текстовых единиц, служащих изображению архаичного образа пространства, и соотнести его с архаичными единицами, представляющими книжную церковнославянскую традицию в истории русского языка. Сгущенность тех и других маркеров архаичности в тексте послания, их перекрещивающееся взаимодействие обуславливают герметичность текста для читателя, но одновременно и его поэтическую, историко-мифологическую и религиозно-философскую убедительность. Войти под «своды» этого труднодоступного и «странного» творения Вяч. Иванова не так просто, но тот, кто попытается это сделать, будет вознагражден.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С. С. Поэзия Вячеслава Иванова // Вопросы литературы. 1975, № 8.

Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967.

Иванов Вячеслав. Собрание сочинений. Брюссель, 1971—1987. Т. I. 1971. Т. II. 1979. Т. IV. 1987.

Молдован А. М. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. Дисс. докт. филол. н. М., 1994.

Обер Рафаэль, Гфеллер Урс. Беседы с Дмитрием Вячеславовичем Ивановым. С.-П., 1999.

Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. С.-П. 1893—1903. т. I, II, III.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.

Топоров В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления («Преступление и «наказание») // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.